

А. А. Обрезков

К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ ЯЗЫКА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются некоторые современные взгляды и размышления автора о деятельностной сущности языка. Обсуждается соотношение понятий речевой деятельности и языковой деятельности. Акцент делается на недопустимости синонимизации понятий «деятельность» и «процесс». Постулируется определенная иерархия в структуре языковой деятельности, в которой все ступени теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы. Автор показывает, что вне речи и речевой деятельности языковая деятельность едва ли может быть исследуема.

Ключевые слова: *деятельность, процесс, речевая деятельность, языковая деятельность, полиструктура, сложная динамическая система.*

A. A. Obrezkov

SOME ISSUES ON REGARDING THE LANGUAGE AS ACTIVITY

The article regards some ideas including the author's ones concerning the activity approach to the language as a complicated dynamic system. The concepts of speech and language activities are discussed. The author views the differences between the notions of speech activity and linguistic activity. Postulated the hierarchy in the structure of the language activities where all stages are closely interrelated. The author shows that language activity can hardly be investigated outward the speech and speech activity.

Keywords: *linguistic activity, activity approach, complicated dynamic system, activity and process.*

Обрезков Андрей Анатольевич [Andrei A. Obrezkov] — кандидат философских наук, доцент кафедры иностранного языка и профессиональных коммуникаций. Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России [Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Firefighting Service of EMERCOM of Russia]. E-mail: obran63@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 23.04.2016; рекомендован к публикации 1.10.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор филологических наук Гачева Анастасия Георгиевна.

Категория деятельности является достаточно сложной и многоуровневой, поэтому для осуществления конкретных задач определения языка как деятельности мы ограничимся общими ее характеристиками как одного из видов (основных видов) социальной деятельности. Но прежде необходимо обратить внимание на недопущение синонимизации понятий «деятельность» и «процесс».

По мысли Г. П. Щедровицкого процесс может быть выражен как последовательность состояний объекта, имея в виду, что «каждая характеристика в этой последовательности относится к объекту в целом, а между собой они еще, кроме того, связаны особым отношением "во времени"» [5, с. 239], в то время как деятельность выступает «размытой» во времени: «разные ее части и элементы реализуются в разное время, и вместе с тем между ними существуют такие связи и зависимости, которые (благодаря каким-то специфическим механизмам) действуют все это время и объединяют все элементы в одну целостную структуру, чего не было в процессах изменения элементарных объектов» [5, с. 240]. Все это дает основание полагать, что деятельность выступает «объектом совершенно особого категориального типа, объектом, к которому нельзя применять ни логику "вещи-свойства", ни логику "процесса"» [5, с. 241], что провоцирует проведение параллелей с синергетической концепцией, называющей подобную характеристику деятельности нелинейностью.

Человеческую социальную деятельность можно представить в виде сложной полиструктуры, в которой составляющие ее наложенные друг на друга структуры находятся в определенных иерархических отношениях [5, с. 242]. Для нашего исследования особую значимость представляет, во-первых, определенная преемственность между социальной деятельностью в широком смысле и языковой деятельностью; во-вторых, то обстоятельство, что независимо от их иерархического расположения они теснейшим образом взаимосвязаны и предопределяют одна другую. Языковая деятельность может возникнуть только при условии наличия социальной деятельности, но и социальная деятельность осуществляется в большой степени за счет деятельности языковой. По мере совершенствования социальных отношений эта взаимозависимость становится все более непреодолимой, представляя собой неразрывное диалектическое единство.

Кроме того, важно понимать, что подобное диалектическое единство существует и на уровне «социум — индивид». Индивидуальная языковая деятельность возникает при условии наличия коллективной языковой деятельности, органично вписывается в нее. В данном смысле коллективная языковая деятельность, как и вся система социально-экономических отношений, включая культуру данного социума, является неизбежной данностью для каждого нового члена конкретного этноязыкового коллектива, средой, воздействующей на становление индивидуальной языковой деятельности. Однако, с другой стороны, коллективная языковая деятельность, вернее, структура этой деятельности образуется в том числе из индивидуальных проявлений и зависит непосредственным образом от наличия носителей языка. Как справедливо отмечает О. В. Лещак: «Не найдется человека, в котором социальное (т. е. совместное с другими людьми) знание не было бы преломлено через его индивидуальное видение мира, через его индивидуальную систему ценностей и через его индивидуальный опыт психической и предметной деятельности. Точно так же, в психике какого-либо конкретного человека не найдется чего-то настолько единичного в своем роде, чему не могло бы быть аналога в психике другого конкретного человека. Социальное всегда индивидуализировано, а индивидуальное всегда социализируемо» [2, с. 64].

С исчезновением последнего носителя языка прекращается и языковая деятельность. В лучшем случае она консервируется в виде идеографических памятников, представляющих собой определенный пакет виртуальных смыслов и значений, в ожидании возможных интерпретаторов, способных «распаковать» данный пакет и актуализировать полученный материал в новой деятельности, которая, естественно, будет значительно отличаться от источника, поскольку будет опираться на другие реалии, других носителей (или потребителей), либо адаптировать к своей деятельности в случае их принципиальной взаимной совместимости. Таким образом, прослеживается определенная иерархия в структуре языковой деятельности, в которой все ступени теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы.

В данном контексте более предметного рассмотрения требует разграничение языковой деятельности и речевой деятельности, часто воспринимаемых синонимично, учитывая их определенные иерархические отношения, по поводу которых существуют разные мнения. Вслед за Ф. де Соссюром долгое время было принято полагать, что языковая деятельность образуется из деятельности

речевой на том основании, что «исторически факт речи всегда предшествует языку» [3, с. 368]. Язык понимался как одна из знаковых систем, наравне с азбукой Морзе, системой жестовых знаков глухонемых и т. п., в которой самым существенным представляется соединение смысла и акустического образа, имеющих равнопсихичную основу. Однако парадокс заключается в том, что речь, для того, чтобы быть произведенной и воспринятой соответствующим образом, уже должна содержать в себе определенную языковую конвенциональную основу. Не бывает речи вообще, она всегда конкретна, фактуальна, определенным образом персонифицирована, но при этом она опирается на установившуюся в данном языковом коллективе языковую практику.

Ф. де Соссюр совершенно справедливо отмечал диалектическое единство речевой и языковой деятельности, однако, по нашему мнению, все же понимал язык и языковую деятельность достаточно узко. Понимание языка как пусть наиважнейшей, но все же лишь одной из знаковых систем, предполагает возникновение этих прочих систем из каких-то внешних языку источников. Если следовать этой логике, языковая деятельность протекает параллельно деятельности по созданию и использованию любых прикладных знаковых систем. Мы склоняемся к точке зрения, что язык — это гораздо более широкое образование, нежели общепринято понимать, и что любые знаковые системы, применяемые в человеческом сообществе, производны от языка как такового, наследуют его черты. Что же касается языковой деятельности, то она начинается гораздо раньше вербальной стадии; она начинается с восприятия и психической переработки эмпирических данных, воспринимаемых первоначально в виде образов и ощущений, обрабатываемых одним из полушарий мозга и в зависимости от уровня обработки и намерений субъекта получающих то или иное воплощение — образно-наглядное (в виде произведений изобразительного искусства, музыкальных произведений), телесное (танец, пантомима, мимика, актерское искусство, жестикуляция), устно-вербальное (устная речь, декламация, риторика, пение), вербально-идеографическое (письменная речь во всем ее разнообразии), символическое (системы обозначений и условных знаков в разных сферах человеческой деятельности). Соответственно, речевая деятельность может, по нашему мнению, полагаться одной из форм языковой деятельности, наиболее важной из этих форм для осуществления коммуникативных задач в силу психо-био-физических особенностей человеческого существа. При этом речевая деятельность не ограничивается только акустическими проявлениями, но может

представлять собой как комплекс манифестаций (акустические и телесные; акустические и наглядно-образные и др.), так и отдельные манифестации (телесные, например, язык жестов; идеографические, например, общение с помощью службы коротких сообщений (SMS) или сетевое компьютерное общение в режиме онлайн).

В этой связи нам представляется вполне корректным вывод А. А. Леонтьева о том, что «речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» [1, с. 27]. Соглашаясь с Ф. де Соссюром в чрезвычайной сложности рассмотрения речевой деятельности, все же мы полагаем, что вне речи и речевой деятельности языковая деятельность едва ли может быть исследуема.

Из рассмотрения языка как сложной динамической системы вытекают многие методологические сложности, одной из которых оказывается уже упомянутая проблема метаязыка для его описания. К сожалению, ни формализация языка с целью достижения его максимальной конкретности, ни языковые инновации в духе М. Хайдеггера не позволили очистить научный дискурс от субъективных авторских наслоений, и герменевтической проблеме толкования «метаязыковых» текстов, как и проблеме максимально адекватного онтологического описания языка как универсального феномена еще долго предстоит оставаться актуальной.

Библиографический список

1. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., Просвещение, 1969. 214 с.
2. *Лецак О. В.* Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): Дис. ... д-ра филол. н. Тернополь: Тернопольский нац. эконом. ун-т, 1997. 523 с.
3. *де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
4. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ; предисл. Б. П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

5. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.

References

1. *Leont'ev A. A.* Iazyk, rech', rechevaia deiatel'nost'. M., Prosveshchenie, 1969. 214 s.
2. *Leshchak O. V.* Metodologicheskie osnovy funktsional'nogo issledovaniia iazykovoi deiatel'nosti (na materiale slavianskikh iazykov): Dis. ... d-ra filol. n. Ternopol': Ternopol'skii nats. ekonom. un-t, 1997. 523 s.
3. *de Saussure F.* Kurs obshchei lingvistiki // *Zvegintsev V. A.* Istoriiia iazykoznaniiia XIX—XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh. Chast' I. M.: Prosveshchenie, 1964. 466 s.
4. *Chomsky N.* Kartezianskaia lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoi mysli / Per. s angl; predisl. B. P. Narumova. M.: KomKniga, 2005. 232 s.
5. *Shchedrovitskii G. P.* Iskhodnye predstavleniia i kategorial'nye sredstva teorii deiatel'nosti // *Shchedrovitskii G. P.* Izbrannye trudy. M.: Shk. Kul't. Polit., 1995. 800 s.